

В. М. Левитский

В. М. ЛЕВИТСКИЙ

Борьба на Юге

**Факты. Люди.
Настроения**

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612.8
ЛЗ6

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям

Издание печатается по рукописям из коллекции
Государственного архива Российской Федерации
(Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 449, 450)

Составитель, научный редактор, автор вступительной
статьи и комментариев к.и.н., старший преподаватель
Института истории СПбГУ А. А. Чемакин

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ
ЛЕВИТСКИЙ:
МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ¹

Левитский В. М.

ЛЗ6 Борьба на Юге: Факты. Люди. Настроения / предисл. В. В. Шульгина;
сост., науч. ред., авт. вступ. ст. и коммент. А. А. Чемакин. — М.: Фонд «Связь
Эпох», 2019. — 256 с.: ил. — (Живая история)

ISBN 978-5-6042329-5-8

Валерий Михайлович Левитский (1886–1946) — один из лидеров Киевского городского комитета кадетской партии, активный участник политической группы, возглавляемой В. В. Шульгиным и П. Б. Струве, редактор газеты «Великая Россия». За годы революции и Гражданской войны он успел побывать во множестве городов: Киеве, Петрограде, Москве, Житомире, Одессе, Екатеринодаре, Ростове-на-Дону, Новороссийске, Феодосии, Севастополе.

Его книга, публикуемая в полном объеме впервые, описывает как повседневную жизнь обывателей Юга России, так и настроения партийно-политических кругов и офицерства Белой армии. По меткому выражению В. В. Шульгина, это своеобразная «записная книжка туриста революции».

Издание предназначено как для специалистов, так и для широкого круга читателей, интересующихся историей Гражданской войны.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)612.8

ISBN 978-5-6042329-5-8

© ФКУ «Государственный архив
Российской Федерации», 2019

© Чемакин А. А., сост., вступ. ст.,
коммент., 2019

© Фонд «Связь Эпох», дизайн-макет,
издание, 2019

Издательская программа
фонда «Связь Эпох»

Валерий Михайлович Левитский (1886–1946) никогда не был политиком и журналистом первого ряда. Известность он получил в 1919–1920 гг., во время работы редактором «Великой России» — одной из ведущих газет белого Юга. Тем не менее он оставался в тени двух других видных политиков и журналистов — Василия Витальевича Шульгина, основавшего газету, и Петра Бернгардовича Струве, определявшего политику издания с осени 1919 до зимы 1920 г.

Воспоминания В. М. Левитского «Борьба на Юге», написанные в эмиграции, представляют значительный интерес. За время Гражданской войны он бывал и работал в Киеве, Одессе, Екатеринодаре, Ростове-на-Дону, Новороссийске и Севастополе, и в своем сочинении подробно рассказывает о жизни и настроениях в белом тылу, а также о политической работе той группы, выразителем которой и была «Великая Россия». Какого-то завершенного организационного оформления в годы Гражданской войны эта группа, возглавлявшаяся В. В. Шульгиным и П. Б. Струве, так и не получила. По большому счету, у нее

¹ Статья написана в рамках гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук № МК-621.2019.6 «Русская свобода и Великая Россия»: «либерально-консервативная» группа В. В. Шульгина и П. Б. Струве в годы революции и Гражданской войны».

не было даже одного определенного наименования, ее можно назвать и либерально-консервативной (на наш взгляд, этот термин, использовавшийся Струве в годы эмиграции, был наиболее удачным), и национально-прогрессивной, и конституционно-монархической. Сам Левитский называл себя сторонником «государственного национализма».

Газета, в которой работал Валерий Михайлович, ни по оформлению, ни по тиражу, ни по своим литературным достоинствам не была «номером один» на Юге России в годы Гражданской войны¹. Но для простых добровольцев именно «Великая Россия» была наиболее авторитетной газетой. Хотя неверно было бы называть официальным изданием армии (все же это был частный орган), вряд ли кто-то будет спорить, что именно «Великая Россия» по своему духу и настроению ближе всех стояла к добровольческому офицерству, которое отвечало ей преданностью и любовью. «Великая Россия» пережила эвакуацию Ростова, новороссийскую катастрофу, не единожды, как птица Феникс, возрождалась из пепла и возвращалась к своим читателям. Происходило это во многом благодаря заслугам ее редактора, Валерия Михайловича Левитского, воспоминания которого мы и представляем на суд читателей.

* * *

Валерий Михайлович Левитский родился 12 мая 1886 г. в городе Галич Костромской губернии. Учился на юридическом факультете Императорского Киевского университета Святого Владимира, который окончил в 1909 г. с дипломом 1-й степени. В 1912 г. был оставлен для приготовления к профессорскому званию при кафедре уголовного права. С того же года состоял членом правления Киевского патроната, членом правления и ревизором Общества киевских исправительных колоний, а также ведал учреждениями Общества для малолетних. 20 декабря 1913 г. Левитский был назначен мировым судьей

¹ На наш взгляд, если судить по формальным критериям, таковым можно считать ростовский «Приазовский край», владельцы которого обладали огромными финансовыми ресурсами и могли позволить себе выпускать издание большого формата с иллюстрациями и привлекать лучшие журналистские кадры.

Киева по делам малолетних; с 1916 г. ведал всеми учреждениями для беженцев-подростков в районе Юго-Западного фронта и занимался организацией помощи детям, пострадавшим от военных действий. Кроме того, в том же году читал курс для школьных врачей «Охрана детства и борьба с детской преступностью» на курсах Киевского Фрѐбелевского общества¹. За это время Левитский напечатал ряд статей и отчетов о деятельности суда для малолетних², которые были зачтены ему в качестве научной работы. На заседании Ученого комитета Киевского университета было сделано следующее заключение о работе профессорского стипендиата: «...Можно заключить, что в лице В. М. Левитского мы имеем любящего свое дело, образованного судебного деятеля. <...> Будет ли он только хорошо подготовленным судебным деятелем или же профессором — об этом можно будет утвердительно сказать только после магистерского экзамена, если В. М. Левитский сочтет за благо к нему приступить»³. Но статья профессором Валерию Михайловичу не было суждено — помешал 1917 год.

Мы не будем подробно останавливаться на всех аспектах деятельности Левитского в годы революции и Гражданской войны — об этом можно прочитать в его книге, но все же осветим ряд эпизодов, а также обратим внимание на его публицистику.

После Февральской революции В. М. Левитский, типичный представитель дореволюционной либеральной интеллигенции, включается в политическую работу и принимает активное участие в деятельности киевской организации Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы). В июле 1917 г. он под № 17 входит в избирательный список кадетов на выборах в Киевскую городскую думу⁴, но гласным не становится — неожиданно для многих кадеты, всегда достаточно сильные в Киеве, проваливаются и получают всего 10 мандатов.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5773. Оп. 2. Д. 77. Л. 6.

² *Левитский В. М. Суд для малолетних в г. Киеве. Киев, 1915; Он же. Детский суд и война (Второй год деятельности Особого Суда для малолетних в г. Киеве). Киев, 1916.*

³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 156. Д. 458. Л. 11 об. — 12.

⁴ Гласные от партии Народной Свободы // Южная газета. 1917. 15 июля. № 2356. С. 1.

В августе 1917 г. происходит и вовсе курьезный эпизод: Левитский, ярый противник украинского движения, становится членом Украинской Центральной рады. Попал он туда в качестве представителя кадетской партии по квоте от «национальных меньшинств». Валерий Михайлович побывал всего лишь на одном заседании «украинского парламента», но и сегодня его фамилию можно встретить в списках членов Рады¹.

В конце 1917 г. Левитский принимает участие в выборах в Украинское Учредительное собрание, возглавив избирательный список Партии народной свободы в Волынской губернии². Результаты голосования оказались неутешительными: лишь в губернском городе Житомире удалось получить 6,9% (769 голосов и 6 место), при этом, правда, опередив большевиков, у которых было 4,34% (484 голоса и 7 место). В уездах же количество кадетских голосов приближалось к статистической погрешности: Дубенский уезд — 66 (0,28%), Житомирский — 132 (0,23%), Изяславский — 51 (0,14%), Кременецкий — 72 (0,23%), Луцкий — 84 (0,21%), Новоград-Волынский — 181 (0,29%), Овручский — 108 (0,3%), Острожский — 291 (0,78%), Ровенский — 78 (0,24%), Староконстантиновский — 59 (0,21%). Всего по Волынской губернии кадеты во главе с Левитским набрали 1891 голос (0,48%) и таким образом заняли 10-е место из 18, конечно, не получив ни одного мандата³.

События 1918 г., в особенности та готовность, с которой большинство киевских кадетов приняли немецкую оккупацию и присягнули гетману П. П. Скоропадскому, отдаляет Левитского от партии. Он ищет политическую группу, к которой может примкнуть, и к концу лета находит ее в лице редактора «Киевлянина» В. В. Шульгина и его сторонников. К тому времени Шульгин уже закрыл газету и отошел от публичной политической деятельности, а затем и вовсе уехал из Киева в Добровольческую армию, но его окружение начало издавать «Голос Киева». Ре-

¹ Українська Центральна Рада: документи і матеріали. Т. 1: 4 березня — 9 грудня 1917 р. Київ, 1996. С. 240; Українська Центральна Рада: документи і матеріали. Т. 2: 10 грудня 1917–29 квітня 1918 р. Київ, 1997. С. 379.

² Центральный государственный архив высших органов власти Украины (ЦГАВО Украины). Ф. 1133. Оп. 1. Д. 26. Л. 30.

³ Там же. Д. 53. Л. 4 об.— 5.

дакция состояла преимущественно из русских националистов, также к ней присоединились некоторые либералы-кадеты, недовольные прусским и проукраинским курсом своей партии. Одним из таких кадетов и стал В. М. Левитский, пришедший в «Голос Киева» по личному приглашению В. В. Шульгина. Вполне возможно, что их знакомство произошло благодаря профессору Киевского университета Г. В. Демченко, который за несколько лет до этого писал отзыв о научной работе Валерия Михайловича⁴, а теперь был активным участником русского национального движения Киева. На страницах «Голоса Киева» Левитский выступает с циклом статей «Единый русский фронт», в которых высказывает свое мнение по разным вопросам актуальной политики:

«Родина просыпается после долгого нездорового сна, с ее глаз спадает тяжелая пелена, ее душившая. И все, кому дорога родная культура, родной язык, кто не опозорил себя в стане предателей, не успел за чечевичную похлебку отречься от родной истории, родного государства, должны быть наготове. Великая работа возрождения России должна быть делом самого народа и русской интеллигенции, организовавшей в единый русский фронт. Русской интеллигенции многому еще надо учиться, от многого отвыкнуть. Ведь до сих пор в массе своей она лишена чувства здорового патриотизма и сознания национального достоинства, которые играют такую выдающуюся роль в жизни всех слоев культурных государств на Западе.

Не то у нас. У нас презирали государство, не любили армию, были равнодушны к вопросам национальной чести.

Теперь старое интеллигентское мировоззрение разбито жизнью. Интеллигенция на распутье. Наиболее чуткие уже знают, что в основу всего миропонимания должна быть положена горячая беспредельная любовь к великой родной культуре, к родному государству и его героической истории.

Еще недавно у нас считали недостойным «культурного» человека громко выражать любовь к Родине. Работа над своим национальным самосознанием, открытое выявление своего национального лица считалось признаком чернотенства. Божемой! какое смятение поднималось в газетном болоте, когда от-

⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 1069. Л. 340.

в русской политической литературе. До сих пор пораженцем называли всякого, кто ставил интересы своей партии или группы выше интересов своей родной страны и во имя торжества своих политических или социальных идей сочувствовал или содействовал победе вооруженных сил иностранной армии над армией своего национального правительства.

Понятие пораженчества, таким образом, неотделимо от национальной власти. Нет национальной власти, нет и пораженцев. Советская власть никогда не называла себя национальной властью, наоборот, она неустанно, во всех своих официальных заявлениях, подчеркивала и подчеркивает свой интернациональный характер.

Поэтому по отношению к советской власти не может быть пораженцев в русской эмиграции»¹.

К началу 1940-х гг. бывший либерал-кадет окончательно сдвинулся в крайне правую сторону. Одна из последних его заметок была опубликована в берлинской газете «Новое слово» в сентябре 1940 г. Описывая настроения русской эмиграции в Париже, он отмечал, что «вся основанная масса инстинктивно поняла, на чьей стороне правда и кому принадлежит будущее. Поняла, несмотря на все запугивания, обманы, соблазны». По мнению Левитского, «в юношеские годы русская молодежь подвергалась развращающему влиянию основных устоев демократической жизни: фокстрот, аперитив, ранний разврат», а на эмигрантских верхах «было много левых и масонских персонажей». Теперь же (очевидно, после прихода немцев) начинается новый период, и эмиграция еще раз должна напрячь все свои силы и работать не покладая рук над своей национальной и политической подготовкой, но при этом «всей эмиграции настоятельно необходимы три предварительные меры: “чистка”, организация центра и возврат к “добрым нравам”»². Первоначально Левитский считал, что победа Германии над Францией дает русской эмиграции какой-то новый шанс, но затем, похоже, разочаровался в немцах. В последующие годы он, по всей

¹ Левитский В. М. Планы разложения эмиграции. С. 8–9.

² Левитский В. Русская эмиграция (Письмо из Парижа) // Новое слово. 1940. 8 сентября. № 37 (313). С. 2.

видимости, не принимал активного участия в общественно-политической жизни.

Скончался Валерий Михайлович Левитский в Париже 27 апреля 1946 г.³ Вероятно, он был похоронен на кладбище в парижском пригороде Леваллуа-Перре, именно там спустя 37 лет была погребена его супруга, Мария Афанасьевна⁴.

* * *

Большая часть книги «Борьба на Юге» была написана В. М. Левитским с июля по август и с октября по ноябрь 1922 г. Возможно, в 1923 г. в текст вносились какие-то рукописные правки, т.к. на титульном листе самой рукописи сначала написано «1922 г.», затем переправлено на «1923 г.»⁵. Нами решено оставить все же ту дату, которая стоит в конце рукописи, — 1922 г. Несколько глав («Как мы ехали», «Кубанская станица», «Степь», «На плавнях») были написаны раньше, в 1919 г., и тогда же опубликованы на страницах «Великой России». При написании еще ряда глав автор, очевидно, пользовался черновыми записками 1919–1920 гг.

Левитский пытался пристроить через Шульгина хотя бы часть своей рукописи в парижскую «Русскую газету»⁶, но безуспешно. В конце концов, оставив надежду на публикацию (из-за тяжелой ситуации на книгоиздательском рынке даже Шульгин не мог опубликовать свои новые книги), он решил продать рукопись в Русский заграничный исторический архив в Праге (РЗИА).

В октябре 1924 г. старый знакомый Левитского по совместной политической работе в Киеве и Одессе Л. Ф. Магеровский, работавший в РЗИА, написал ему письмо, в котором интересовался: «Не сохранилось ли у Вас самого в личном архиве материалов, которые Вы могли бы передать архиву на тех или иных основаниях (за плату и т.д.) с покрытием Ваших расхо-

³ В годовую день кончины Валерия Михайловича Левитского... // Русская мысль. 1947. 26 апреля. № 2. С. 3.

⁴ Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1999. В 6 т. Том 4: Л–М. М., 2004. С. 96.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 449. Л.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-5974. Оп. 1. Д. 146. Л. 1.

Русский революционный исторический архив
 БХА 1.06.1
 19/II 1925...

Исторический Архив
 Заграничный

На предложенных условиях
 согласен. Предоставляю лично
 материал Уступая Архиву в
 собственности за 1500 кр. Деяния
 Уполномоченного полугриф Л. Ф.
 Т-РЗИА
 Малеровского.
 06 954
 5
 В. Левитский
 11/II - 1925... 1000 кр. - Архив

Расписка В. М. Левитского для РЗИА
11 февраля 1925

Národní knihovna České republiky — Slovanská
knihovna. Interní archiv Ruského zahraničního
historického archivu. Část 6. Ij. 954

49

царю полное безправие. Гага и Подвигательство арестовывали без суда,
 выслали, запрещали въезд, вообще делали все, что заблагоразусится.
 Критика нашей газеты привлекла Кубанский Парламент и негдала в состо-
 яние полного иступления.

Не наши глады стелки на своемъ. Въ отъѣздъ на безобразныя сены сдѣ-
 чатанія типографіи, угвозы редакторамъ, въ павломъ М. "Великой Россіи"
 Лавровъ писалъ: "Соціализмъ, Федерализмъ, все это пимиче жестокости, при-
 кровяющія внутреннея убкратвеніи полнубо безсодержательность малыхъ лю-
 дей. Они се вѣщъ готовы приминиться, на все пойдуть, но не ищадуть
 оного, когда ихъ дѣйствія не встрѣчаютъ громомъ аппладисментовъ.
 - Рукописать мы никогда не будемъ."

Пока ика эта самостійническая возня, тяжелая борьба ж
 мажорданцы
 павложалась. 26 декабря наконецъ удалось объединить
 командованіе въ рукахъ ген. Даникина. Кубанскій Атаманъ
 начинать баваться съ дезертирствомъ, 9 января получаемъ
 ся первыя вѣсти о бѣ Ади Арвалъ Козчакъ. Ганчвалъ Вьен-
 гель быство очищаетъ Сѣверный Кавказъ. Вѣсто Малснова
 выбирать Богачевского. Добровольцы идутъ спасать Денъ.
 Не успѣлъ я ховожанно оглядѣться, какъ сба редактора "Великой Рос-
 сіи" рѣшаютъ идти на фронтъ. А. А. Васильевъ поступать въ Донецкой
 партизанскій отрядъ, а А. А. Лампа назначаютъ въ въ оперативное атдъ
 ланія штаба ген. Врангеля. Положеніе газеты сразу же становится кри-
 тическимъ.

14 мая Лавровъ дѣлаетъ мнѣ последнюю азеть на себя редакционное
 "Великой Россіи" и ~~А. А. Васильевъ~~ ^{А. А. Васильевъ} ~~чтобы это подальше стояла руда~~
~~са казъ" для созванія "временноя редакціи". Она сержавалась, сержавалась~~
~~касающаго ползаванія, но пол ползаванія въ редакціи и конторѣ и сѣ~~
~~что сержавалась~~

14 мая газета начинать выходить подъ моею редакціей. Я вплотную по-
 дхожу къ Екатеринбургскому періоду русской исторіи. Сичъ милое съ дѣл-
 ми, съ битомъ, съ усехівими вавъби.

Главныя дѣла таву- Много дѣлалось илать и ономъ повачить интерсо-
 вующія лица. нато. Это было чудасное, забываломе время,

Рукопись В. М. Левитского
«Борьба на Юге»
1922

ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 449. Л. 49

дов»¹. Финансовое положение Левитского было тяжелым, и он, очевидно, сразу же согласился продать рукопись и ряд документов, тем самым пополнив свой скудный семейный бюджет.

Рецензию на «Борьбу на Юге» написал известный публицист и историк, эксперт РЗИА В. А. Мякотин (он упоминается в одной из глав книги). Обрисовав политическую физиономию Левитского и отметив, что тот, «отойдя от к.-д. партии, к которой он раньше принадлежал», «примкнул к “национальной” группе В. В. Шульгина», рецензент перешел к оценкам текста. По его мнению, первые две главы про Киев и Одессу сравнительно мало интересны: в них очень мало фактов и решительно преобладают авторские оценки лиц и событий, к тому же субъективные. Зато следующие главы...

«...Следующие главы, начиная с описания Екатеринодара, представляют уже гораздо больший интерес: и в них сильно дает себя чувствовать авторский субъективизм, но вместе с тем в них много и фактического содержания. Автор обстоятельно описывает Добровольческую армию, какой он наблюдал ее в Екатеринодаре, в Ростове и в Крыму, изображает жизнь в тылу, отмечает господствовавшие в нем настроения и отношение к армии, характеризует, наконец, главных начальников армии. И хотя далеко не все в изображении и характеристиках автора можно считать бесспорным, но сообщенные им факты во всяком случае заслуживают внимания, не говоря уже о том, что в его рассказе об этих фактах нашло себе отражение настроение определенной общественной группы».

Также Мякотин отметил, что к воспоминаниям были приложены документы:

«1) копии двух писем командовавшего Кавказской армией генерала Врангеля генералу Деникину от 4 апреля и 29 июля 1919 г. и копия письма генерала Деникина генералу Врангелю от 10 августа 1919 г. Эти письма представляют большой интерес, обрисовывая и положение Добровольческой армии, и отношения двух названных ее вождей в данное время.

¹ Národní knihovna České republiky — Slovanská knihovna. Interní archiv Ruského zahraničního historického archivu. Část 6. I.j. 954. Письмо Л. Ф. Магеровского В. М. Левитскому от 22 октября 1924 г.

б) обзор ростовской прессы в ноябре 1919 г., составленный Отделом пропаганды Особого совещания, такое же сообщение о кубанских событиях, секретная политич[еская] сводка Отдела пропаганды от 6.X 1919 г. о настроениях на Кубани, неофициальное сообщение о том же, такая же сводка от 17.X 1919 г., шесть номеров “Еженедельного обзора Кубанского отделения Отдела пропаганды” с 9.IX до 4.XI 1919 г. и номер сева[стопольской] газеты “Юг” от 12.X 1919 г. с сообщением о казни Кулабухова. Все эти печ[атные] материалы (кроме, конечно, газеты “Юг”), в свое время считались секретными и печатались в ограниченном количестве экземпляров».

10 января 1925 г. эксперт подписал свое заключение, согласно которому РЗИА следует приобрести воспоминания Левитского вместе с приложенными к ним документами. Была назначена и цена — 200 чешских крон за печатный лист¹. Сама рукопись была оценена в 1000 крон, копии писем Деникина и Врангеля — в 260 крон, секретные сводки отдела пропаганды — в 120 крон, некие «неофициальные сведения» — в 40 крон, сводка «Кубанские события» — в 40 крон, номер «Юга» — в 5 крон, еженедельные обзоры Кубанского отделения Отдела пропаганды — в 30 крон, месячный обзор Кубанского отделения Отдела пропаганды — в 5 крон. Итого — 1500 крон^{II}.

Первоначально Левитский хотел получить большую сумму^{III}, но вынужден был согласиться на предложение РЗИА. 11 февраля 1925 г. он написал следующую расписку: «На предложенные условия согласен. Представленные мною материалы уступаю архиву в собственность за 1500 кр[он]. Деньги уполномочиваю получить Л. Ф. Магеровского»^{IV}.

В 1946 г. рукописи из коллекции РЗИА были переданы в СССР, а газеты, проданные Левитским, вероятно, остались в Праге в коллекции Славянской библиотеки. Ныне рукопись Левитского и приложенные к ней копии писем Врангеля и Де-

¹ ГА РФ. Ф. 7030. Оп. 1. Д. 225. Л. 135–135 об.

^{II} Národní knihovna České republiky — Slovanská knihovna. Interní archiv Ruského zahraničního historického archivu. Část 6. I.j. 954. Опись материалов, купленных у Левитского.

^{III} Там же. Письмо Л. Ф. Магеровского В. М. Левитскому от 17 января 1925 г.

^{IV} Там же. Расписка В. М. Левитского от 11 февраля 1925 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ¹

Так называемая «Борьба на Юге», другими словами, трагедия, связанная с именами Алексеева, Корнилова, Деникина и Врангеля, еще не имеет ни своего внешнего историка, ни своего внешнего истолкования, ни Гомера, ни Софокла. Еще не наступило время охватить этот грандиозный процесс общим и верным рисунком, в котором главное будет на первом месте, детали на своем, а автор-историк из норки очевидца, хорошо знающего только свой кусочек, поднимется на высоту, с которой будет разворачиваться вся панорама. Сейчас мы еще в полосе личных переживаний. Иначе не может быть, и этим нечего смущаться.

Ведь для того чтобы интегрировать, надо написать сначала дифференциальное уравнение. Мы — те, кто были в той или иной форме участниками южно-русской борьбы, можем написать дифференциальное уравнение, т. е. записать процесс в бесконечно малых. И от этого, насколько правильно мы его напишем, будет зависеть «интеграл», т. е. глава русской революции, именуемая «Белое движение», представленная не в элементах, а во всей ее целостности.

При этом надо еще помнить, что вполне естественные, но преждевременные наши попытки обобщений,

т. е. интегрирования теперь же, надо рассматривать только как элементы. Ведь эти попытки есть сгущение взглядов участников событий на происходящее. Взгляды эти могут быть правильными или нет, но, во всяком случае, они являлись действительными силами, в той или иной мере влиявшими на развитие событий. Вполне удержаться от обобщений значило бы утаить причины, в силу которых люди поступили так или иначе.

Подходя с этой точки зрения к работе В. М. Левитского, надо признать ее ценной и интересной. В ней есть и лоскутки жизни, выхваченные в разных местах и в разное время (своего рода записная книжка туриста революции), есть и попытки отыскать ключ к большой загадке: почему белые проиграли? Эти попытки, конечно, субъективны. Но они отражают мнения, сыгравшие свою роль, и потому важные и интересные для тех, кто будет творить суд справедливый и нелицеприятный, если такие когда-нибудь найдутся.

Красной нитью проходит у В. М. Левитского мысль, что истинным виновником нашей трагедии было обывательское равнодушие, легкомыслие и аморальность. Русский обыватель, из-за спасения которого, в сущности, шла борьба, сначала полагал, что лучше всего он спасется, если будет сидеть тихо-мирно. Поэтому вначале, когда Добровольческая армия была действительно добровольческой, он поставлял добровольцев в ничтожном для России количестве. Когда же армия генерала Деникина перешла к системе мобилизаций, мобилизованный обыватель отомстил тем, что выявил свою истинную, далеко не белую, натуру. Вот простое объяснение, которому нельзя отказать в том, что оно подмечает одну из очень существенных сторон происшедшего. Оно же является и ответом на выдвинутые некоторыми политиками обвинения, будто бы дело погибло от политических причин, от того, что генерал Деникин взял слишком вправо и не слушал «демократической общественности». Хронологически дело испортилось именно тогда, когда «демократическая общественность», т. е. обывательщина, заполнила войска и администрацию. Она внесла в Белое

движение свои обычные качества: неврастеническую раздражительность, непостоянство, озлобленность, нетерпимость, изнеженность, развращенность, расточительность, неодолимую потребность к злословию и злопыхательству и полное отсутствие уважения к чужой собственности. Это была та самая русская обывательщина или общественность, которая столько лет сочувственно наблюдала, как политики разных мастей подучивали мужика грабить помещика, праздновали убийства министров и городских, отбивали ладоши, рукоплеская тенорам и басам из студенческой молодежи, затягивавшим:

Это время придет,
Наш проснется народ,
Позабудет свою он кручину.
И в леса он уйдет,
И там он найдет
Потолще, получше дубину!..
Эй, дубинушка, ухнем!

Народ «проснулся», дубину нашел и «ухнул»... Только одним концом по помещикам, генералам и министрам, а другим — по этой самой русской интеллигенции, которая столько вызывала и, наконец, вызвала дубинушку. От неожиданного удара мозги обывателя-интеллигента своротились слева направо, но и только: дубинушка не могла переменить сущности, основы его натуры. Поэтому, когда он получил винтовку из белых рук генерала Деникина «для спасения России», он вместо этого занялся делом, более отвечающим его духовной консистенции: вместо одного помещика грабил и помещика, и крестьян, и кого попало. Вместо министров и городских убивал «жидов» и безоружных «коммунистов». А вместо «дубинушки» тайно и явно мечтал о том, как бы перевешать всех «кадетов», разумея под этим именем всех, кто старался обуздать его дикость. Напрасно горсточка истинно белых боролась с этим желтым потоком. Их могла привести в чувство только страшная катастрофа: она и разразилась.

В точности повторилась история Крестовых походов. Высокая идея освобождения Гроба Господня превышала силы немногочисленных истинных крестоносцев. Пришлось опираться на более широкие круги, мобилизовать «общественность». Тогдашняя широкая общественность состояла из «рыцарей», понимавших рыцарство как право пьянствовать, играть в кости, бандитствовать по большим дорогам и дико ссориться между собой. Когда их призвали к святому делу, они его затоптали в грязь.

И тем не менее Крестовые походы навсегда остались в памяти человечества как высокий порыв, зародившийся в нравственных безднах средневековья. Таковую же светлую память оставит после себя дело Алексева, Корнилова, Деникина и Врангеля. Наша общая ошибка, если можно в этом случае говорить об ошибках, состояла в том, что мы переоценили этот человеческий материал, которым оперировали. Загипнотизированные примерами необычайной доблести настоящих белых добровольцев, мы приписали эти качества и всей обывательщине, которую включили в свои ряды. Мобилизовав эту обывательщину, мы поставили перед ней *сверхгероическую задачу*. Может быть, и естественно, что обыватель не мог ее выполнить.

Большевики победили нас чувством реальности. К концу 1919 года со всякой идеализацией большевистского движения было покончено. «Рай» был погребен ужасами созданной ими жизни, их моральный облик внушал отвращение. Но он внушал и страх. Это большевики поняли. Поняли и использовали вовсю. Террором и дисциплиной они взнуздали русского обывателя и погнали его на белых. Они не ставили героических задач, они не требовали подвига, *они требовали повиновения*.

Повиновение им было оказано.

Приблизительно к этим же выводам, может быть, изложенным не с такой резкостью, приходишь, пробегая и воспоминания В. М. Левитского. Недостаток его работы — некоторая беспорядочность изложения, так сказать, торопливость стиля. Но, может быть, эта манера

органически связана с достоинствами его работы. В записках В. М. Левитского нет ничего выдуманного, накрашенного, нет позы и литературничания. Эти записки безусловно субъективно правдивы, живая же наблюдательность автора делает их не только правдивыми, но и интересными.

Прочитать их полезно для всякого, кто хочет добросовестно вникнуть в то, что было.

В. В. Шульгин

Прага

15 октября 1922 года

ЧАСТЬ I

Киев (1917–1918)²

Первые дни революции

Революция застала меня в Киеве. Вместе с небольшой группой чудесных, чистых людей я усердно работал в Особом суде для малолетних. Теперь даже странно вспоминать, как много душевной бодрости и свежести вкладывалось тогда в новое дело любовного выпрямления «ничьих» детей.

Наш «суд» объединил в одну дружную семью светскую барыню и молоденьких евреек-юристок, европейски образованного генерала и полуграмотного, но с золотым сердцем старика-слесаря.

Работы было по горло. Камера³ жила своей собственной жизнью. В успехе дела не сомневались. Верили и в победу на фронте, благополучно пережив страшную осень 15-го года. А кроме того, все крепко любили свой Киев. Чудесный город, где «каждый камень говорил о величии русской истории».

Война нас утомила. Пришлось организовать помощь детям запасных. За ними со всех концов Юго-Западного фронта посыпались «неизвестного происхождения подростки, самовольно бежавшие в Действующую армию». Позже густой толпой повалили дети беженцев.

Революция свалилась как снег на голову. Первые узнали о ней железнодорожники из телеграммы комисса-

ра Бубликова. В Киеве было совершенно спокойно. Ведь у нас не было ни фабрик, ни заводов. На окраинах сыто и благодушно жили мелкие торговцы, огородники и садоводы. Война им дала кучи денег.

Весть об отречении государя императора Киев прочел с явным недоумением. Власти растерялись. Офицерство сразу попало в невыносимое положение. С лихорадочным нетерпением ждали вестей с фронта.

После манифеста великого князя Михаила Александровича я в Камере объявил, что дело совсем плохо. Все согласились. Надо сказать, что 1905 год, еврейские погромы, незаметно переходившие в провинции в уничтожение интеллигенции, зарева аграрных «иллюминаций»⁴ и вся столыпинская эпопея многому научили киевскую русскую интеллигенцию. Играли роль и местные условия. Мы практически знали, что такое национальная борьба, видели, с какой бешеной настойчивостью работают враги России.

Война окончательно открыла глаза.

Университет, суд, часть адвокатуры, учительство и т. д. твердо знали в Киеве, к каким страшным последствиям может привести новая осада власти в дни войны. Правда, в Распутина верили, недостатки тыла знали, «свободу» любили, серьезно думали, что стоит только дать интеллигенции взобраться на министерские кресла, и все пойдет как по маслу. Но в глубине души сами этого побаивались и желали скорейшей победы на фронте.

Особенно заметна была наша «правизна» и «национализм» на всевозможных съездах в столицах. Москвичи часто нас укоряли «в любви к Столыпину» и «в малосознательном отношении к происходящему».

Поездка в Петроград

В Камере меня с неохотой, но все-таки отпустили «поиграть в политику».

Насмотревшись вдоволь на манифестации с красными бантами и парады с угождающими толпе генералами, я в половине апреля уехал в Петроград.

По беженским делам был у князя Львова. Господина министра-председателя мы нашли растерянно бродящим по огромному кабинету с трещавшими на столах телефонами. Он чем-то восхищался и за что-то благодарил. Как и что, не помню. Выходя, столкнулись с депутацией пяти католических епископов.

Вот контраст между породистыми, гордыми фигурами и беспомощно мечущимся перед ними серым пиджаком растрепанного представителя тогда еще великого государства твердо засел в сознании.

От Львова поехал к Д. Д. Протопопову. Он занимал какой-то пост в Министерстве внутренних дел. Д. Д. откровенно рассказал о том хаосе, который вызвал на местах приказ об увольнении губернаторов. В 17 губерниях новая власть совсем не действовала, в остальных беспомощно плыла по течению.

Был в кадетском ЦК, когда пришли первые вести об уличных демонстрациях против Милюкова⁵. Через несколько часов лично познакомился со 2-м флотским экипажем, вышедшим на улицу с винтовками бороться с контрреволюцией.

Работа у кадетов

С тяжелым чувством уехал в Киев. Здесь, кроме прочих напастей, объявились украинцы. Они как-то незаметно вылезли из глухого подполья. На первых порах были очень осторожны. На людях безобразили солдаты, и до одури произносили речи в Думе, в театрах, на базарах меньшевики и эсеры. Все местные, бесталанные «серые Жоресы».

Большевики, заметные только немногим, усиленно работали исключительно в различных агитационных организациях, просвещавших Действующую армию. Город съезжился и притих.

Я весь ушел в работу. Был избран товарищем председателя Городского кадетского комитета и тоже начал усиленно заниматься агитацией. С большевиками столк-

нулся сейчас же при организации отправки «литературы» на фронт. Они захватили в свои руки технический аппарат и делали, что хотели.

Поближе пришлось познакомиться и с непрочностью социального положения в крае русской интеллигенции. Это были в огромном большинстве служилые люди. Только тогда выяснилось, какое вообще огромное значение имела государственная власть во всех отраслях культурной жизни страны. Власть ушла, и интеллигенция лишилась опоры. Надо было искать новой. Всюду начали выползать «скользкие» люди, торопившиеся приспособиться.

На первые места неудержимо лезли самые наглые, самые бесстыжие. Прекословить толпе становилось с каждым днем все непопулярнее. Открылось и еще одно обстоятельство, смягчающее вину многих. Оказалось, что почти весь культурный в крае класс — нищие, в буквальном смысле этого слова. От знаменитого профессора, известного всей России юриста или историка до скромного учителя или доктора — все жили жалованьем, еле сводя концы с концами. На черный день заботливо было скоплено 5–10 тысяч... в военных займах...

Жизнь дорожала. Базар и лавка были неумолимы. Офицерские семьи кое-где уже начинали голодать. С фронта шли дурные вести. Армия умирала. А мой старый, милый Киев, ворча, начал перекрашиваться в красный цвет. Украинцы культивировали политику «чистой подлости».

Вторая поездка в Петроград

Скоро ошарашили телеграммы о новом выступлении большевиков. Как только в Петрограде успокоилось, поехал. Города не узнал. В слабости Временного правительства уже никто не сомневался. «Что-то будет? Что-то будет?» — спрашивали повсюду. Создавались самые фантастические планы. Люди иногда как бы наяву бредили для самоутешения. Плана, вождей, организации не было. Докладывал в ЦК кадетов о положении в Киеве, но всем

было не до того. Только что выступали большевики, ждали новых стычек.

Меня пригласили в комиссию по пересмотру судебных уставов. Рассматривался проект Положения о попечительном суде для малолетних.

На торжественном заседании под председательством товарища министра юстиции Скарятина великолепные курьеры разносили чай. Вдруг мой сосед, старичок-сенатор, с любезной улыбкой протянул мне какую-то тряпочку. Видя мое недоумение, прошептал:

— Поделюсь, берите.

Я развернул, и на стол выпал крошечный кусочек сахара. Эта сцена произвела на меня сильное впечатление. «С таким положением продовольствия далеко не уедешь», — подумал я. У нас, «в глухой провинции», еще не было ничего подобного.

Отличалась от нашей и толпа. Здесь в ней чувствовалась какая-то нарастающая ненависть и озлобление. Правда, всюду томились тысячи людей в очередях.

Выборы

Нужно было спешить домой. В Киеве начиналась полоса всевозможных выборов. Подвиги наших левых во время избирательных кампаний в дни революции заслуживают особого, внимательного изучения. Это дело будущего. Пока опубликованы интересные наблюдения И. Ф. Наживина о выборах в деревне (сначала у нас в «Великой России», а затем уже за границей отдельно)⁶. Городские избирательные кампании еще совершенно неизучены. Киев ничем особенно не выделялся из общей картины. Благодаря украинцам только все было еще грубее, только у нас красовались плакаты: «Брешут они, собачьи головы!»⁷ На предвыборных собраниях русских социалистов обещали каждому ботинки и мануфактуру.

Победили, конечно, левые. Блестяще провалились кадеты на первой же кампании в Городскую думу. Из 80 мест им досталось только 10. Евреи, поляки и украинцы шли

по национальным спискам. В столице Украины оказалось меньше всего украинцев, они были на последнем месте. Неожиданно провел 18 гласных «Русский блок» Шульгина⁸. Провал кадетов характеризовал тогдашнее настроение интеллигенции. Партию оставили не только обычные в Киеве союзники, польские и еврейские буржуазные группы, но и большинство русской интеллигенции, голодовавшей «за блок». Это была нам месть за благоволение к украинцам. Лидеры растерялись. Начались забегания к социалистам. Строились новые планы соглашательства. Нам любезно дали два места в управе. Но толща партии определенно правела. В интеллигентных семьях всюду заговорили о национализме и необходимости организованной национальной самозащиты.

В Центральной раде⁹

К июлю Временное правительство сделало несколько слабых попыток противодействия самостийникам. Они надули, и Керенский подмахнул известное соглашение, признав Раду. Украинцы сделали очередной трюк, пригласив в Раду представителей национальных меньшинств. Получил приглашение прислать 8 или 10 «депутатов» и Киевский областной кадетский комитет. Я усиленно возражал против посылки, но остался в меньшинстве. Решено было попробовать. В число депутатов попал и я. Получив при помощи переводчика от вихрастого малого, «не разумевшего по-московски», красный билет, я 5 августа отправился в «парламент». Рада заседала в грязном театральном зале Народного дома. Обсуждался ультиматум Временного правительства о сокращении числа народных секретарей. Заседание открылось речью профессора Грушевского. Хитрый старик долго жаловался на притеснения и обиды и в заключение совершенно неожиданно отказался от звания председателя Рады. Я внимательно следил за впечатлением в зале. Партер театра, где расположились депутаты, имел 350–400 мест. Половина откровенно

пустовала. Несколько раз пересчитал присутствующих. Налево от прохода, где сидели украинцы, было 117 человек. На креслах представителей меньшинств 42. Все, кроме нас — от различных еврейских партий и организаций. Между тем украинские и даже русские газеты ежедневно уверяли нас, что в Раде свыше 600 народных избранников. Господа украинские депутаты, разложив перед собой солдатские шинели, мирно дремали. Взволнованно шушукались только в первом ряду — лидеры. Их было 11 человек, из них — один священник, остальные — городская и деревенская полунинтеллигенция. Винниченко, Петлюра и прочие власти помещались на сцене.

Грушевский и голос повышал, и паузы выдерживал — не помогало, партер мирно дремал. Наконец председатель фракции эсеров не выдержал и, порывисто сорвавшись с места, побежал будить. Только после его энергичных мер раздалось долгожданное: «Доверяем! Просим остаться!» Грушевский радостно поблагодарил и согласился.

Представление продолжалось. Один за другим выступали представители еврейских фракций с приветствиями. Говорили и на древнееврейском языке. Депутаты сразу развеселились. Теперь уже все лидеры обходили ряды, чтобы прекратить весьма решительные возгласы представителей державного народа по адресу угождающего меньшинства.

На следующий день я заинтересовался: кто и как выбирал господ депутатов. После некоторых препирательств в «мандатную» комиссию кооптировали от нас А. Г. Безрадецкого. Вечером он пришел в самом веселом настроении. Серая действительность превзошла самые красочные ожидания. Ему сразу удалось установить, что никаких выборов в действительности не было. Депутаты приехали с командировочными бумагами от различных организаций и групп. Ни число «избирателей», ни время <...>¹ указано не было. Отчетливо помню, что благода-

ря настойчивости нашего представителя было документально установлено «избрание» депутата города Полтавы (свыше 110 тысяч жителей) членами Совета Украинского клуба. Присутствовавшие полтавцы удостоверили, что в клубе до... 100 членов. Для «выборов» даже не потрудились собрать общего собрания. Таковы были и полномочия депутатов из армии, где, по скромному подсчету Грушевского, было два миллиона сторонников Рады. В таком парламенте нам делать нечего, и на следующий день подали мотивированное заявление об уходе.

Следующие недели все внимание было приковано к фронту. Там рекой лилась кровь офицерской молодежи.

Признаки перелома

Июль и половина августа 1917 года могли быть поворотным моментом революции. Все чаще и чаще упоминалась «Ставка». С надеждой и мольбой к ней обращались все взоры. Удары на фронте оздоровили атмосферу. Начинало оживать офицерство. Из армии потянуло свежим ветром. Признаки оздоровления увеличились ко времени московского Государственного совещания. Огромное впечатление произвели полные мужества и благородства речи военных и Шульгина¹⁰. Начинали определенно надеяться. Но все это продолжалось недолго.

Корнилов

Первые телеграммы о «мятеже в Ставке» застали всех неорганизованными и растерянными. Надо признать, что это выступление против Временного правительства было выполнено по-детски. Уже по одному тому, как мы узнавали о ходе событий в Ставке и под Петроградом, сразу же было видно, что все обречено на неудачу. Службы связи, телеграфы, телефоны, прямые провода, газеты были в руках социалистов. Создалась невероятная путаница.

¹ Текст в рукописи поврежден. Вероятно, было написано: «избрания уполномоченных».

Не произвели на них должного впечатления и слова председателя большевистской мирной делегации товарища Мануильского. Умный большевик с непередаваемым цинизмом заявил сотруднику нашей газеты: «Я не вижу необходимости мешать Петлюре помочь нам взять Киев. Ровно через месяц с этого самого балкона я буду приветствовать полки Красной армии!»

Развал увеличивался с каждым днем. Медленно, но наверняка Киев вели к гибели. Умирать ему на этот раз не хотелось, уж очень обидно было: под боком союзники, в Екатеринодаре русская армия. Молодежь решила бороться. Опять полилась кровь. Как всегда, у нас, вся тяжесть борьбы легла на плечи небольшой группы самых честных.

Из города с 650–700-тысячным тогда населением только 2000–2500 человек вышло в поле на его защиту. Остальные выжидали событий. У Петлюры сил не было. Горсточка раздетых, голодных офицеров держалась целый месяц. Фронт был в 5–10 верстах. Днем и ночью гремели пушки, а Киев веселился. Улицы были полны прекрасно одетой толпой. Театры были набиты. О фронте почти никто не думал, кружась в каком-то бешеном вихре спекуляций и детского легкомыслия.

Мы все свои упования возлагали на союзников. До последнего дня с часу на час ждали их наступления на Киев. Печатали и комментировали телеграммы Энно. Заготовили приветственные статьи на французском языке. Набрали их. Теперь грустно и смешно вспомнить. Увы, союзники медлили. Почему, мы терялись в догадках. Наконец, получили от Шульгина письмо из Одессы, поразившее всех нас. В. В. писал, что Киев будет сдан большевикам, что положение Одессы очень тяжелое и предлагал нам всем вместе с его семьей немедленно выехать к нему. Мы колебались. 2 декабря в город вошли петлюровцы²⁷. Как потом оказалось, немцы совершенно неожиданно объявили гетманскому правительству, что ими заключен с Петлюрой договор, по которому они решили сдать ему Киев.

Итак, борьба была еще раз проиграна.

Конечно, главная доля вины за это падает не на немцев, не на гетмана — их поведение было совершенно естественно, а на генерала Деникина и его представителя. Здесь опять сказался недостаток революционной психологии и неумение учитывать создающуюся обстановку. Отписались и успокоились. Генерал Ломновский вел себя так, что позволил даже в ночь с 22 на 23 ноября себя арестовать. Правда, генерал князь Долгоруков милостиво освободил его через несколько часов, но этот арест официального представителя Добровольческой армии произвел самое удручающее впечатление на офицерство. Да и что мог сделать этот растерявшийся генерал без средств, без людей, без авторитета? Генерал Деникин не учел, какие перспективы раскрываются в связи с близостью союзников, при использовании огромных военных ресурсов Киева, колоссальных запасов продовольствия, и людей, и всех богатств края. Нужно было при первой же телеграмме о «русском» перевороте в Киеве прислать вполне авторитетных лиц для выяснения обстановки на месте, а затем принять все меры для переноса центра борьбы сюда или в Одессу.

Отъезд

Все случившееся меня прямо ошеломило. Я не знал, что делать. Вдруг решил, бросив на произвол судьбы семью, бежать. Как хватило сил сделать это — не знаю. Киев опять захлестывала грязная волна предательства и обмана, и жить здесь было невыносимо. Мои милые старики в Съезде смотрели на меня с изумлением и пробовали отговаривать. Не помогло. Через два дня, в 5 часов утра, я начал тихонько собираться. Проснувшись от возни, моя маленькая девочка недоумевающее простилась со мной. Жена, мать и старушка-няня старались сохранять спокойствие. Я в успокоение бормотал о союзниках¹. Жена имела мужество ответить:

¹ Зачеркнуто: «Ехать решено было в Одессу».

— Что бы ни было, оставаться тебе нельзя. Маму и девочку я как-нибудь прокормлю. Поезжай с Богом. Только нас не забывай!

В мокрое, холодное утро я пробирался по пустынным улицам.

Самое ужасное — это было осознание полного одиночества. Весь Киев, вся интеллигенция, все 20 тысяч «нейтральных» офицеров оставались. Формула: «Наши те, что победили» — прочно засела в головах. Точно густой туман нездоровых болотных испарений заволок сознание.

На душе что-то оборвалось. Настойчиво, как зубная боль, сверлила мысль: «Что-то придется пережить оставшимся?!»

ЧАСТЬ II

Одесса (декабрь 1918 — март 1919)

Дорога

Ехали благополучно, т. е. около двух суток просидели в грязном, переполненном вагоне, развлекались рассказами о расправах повстанцев, о расстрелах, о порче мостов, пути и другими произведениями современной русской железнодорожной литературы. Конечно, подвергались бесконечным обыскам, допросам. Но остались живы, сохранили пальто и багаж — несколько пар белья, больше, к счастью, ничего не взяли.

Подсели еще несколько беглецов¹. Все, кроме меня, ехали по подложным документам. Я храбро показывал по-украински написанный в Съезде отпускной билет. Не нравилась печать «с курицей», т. е. двуглавым орлом, но не тронули. Усиленно искали офицеров. Требовали оружие.

Медленно, но без крупных задержек двигались вперед. Наконец у самой Одессы увидели французского часового. Пришли в восторг. Мои спутники бурно его приветствовали.

У всех было настроение жульверновских героев, попавших на Луну. С вокзала поехали в какой-то постоя-

¹ Первоначально написано: «Со мной ехали З. Г. и Е. А. Ефимовские, к нам подсели еще несколько беглецов».

лый двор, а оттуда в 17-й № «Лондонской» гостиницы к В. В. Шульгину. Его мы застали встревоженным и подавленным. Он только что потерял близкого человека²⁸. Наше положение было ужасно. Мы должны были ему сообщить о смерти его старшего сына Василька, неделю тому назад убитого при защите Киева.

После первой же беседы с В. В. от нашей восторженности не осталось и следа. Да, радоваться было определенно нечему. История украинско-эсерско-французского романа и позорнейшая капитуляция союзников перед большевиками темна и загадочна¹.

Положение Одессы

Общее положение Одессы в то время (половина декабря 1918 года) было таково. Около месяца тому назад, пользуясь всеобщим замешательством, петлюровцы сделали попытку захватить город. Но как раз в это время, 13 ноября, появился на рейде первый союзный миноносец. 5 декабря в город вошли французские войска. В тот же день в «Лондонской» гостинице состоялось совещание. На нем присутствовали французский консул Энно, Шульгин, Ненюков, Степанов, Эрдели.

Долго судили и рядили. Наконец Энно предложил установить «зону французского влияния» (квартал перед гостиницей) и избрать русского начальника. По совету Шульгина он на эту должность предложил генерала Гришина-Алмазова. Его тотчас же вызвали. При условии немедленно сообщить о происшедшем генералу Деникину он согласился. Так было положено начало освобождению Одессы.

Решено было город освободить. Гришин-Алмазов тотчас же отправился на «Саратов», стоявший в порту с офицерами, эвакуировавшимися в Новороссийск, и приказал немедленно идти в город. Первые цепи пошли сейчас же. В два дня город был очищен. Полномочия генерала

Гришина-Алмазова подтвердил еще французский генерал Бориус.

Сразу же началась невероятная каша. Единой власти не было. Французы распоряжались самостоятельно. В городе остались петлюровские власти. Гетманцы, поляки, эсеры, крайние правые. Все наперебой забежали перед французами, представляли проекты, клеветали на Добровольческую армию. Екатеринодар, как всегда, молчал, посылая обиженные телеграммы и чего-то выжидая. Социалистическая Дума из кожи лезла, стремясь из рук французов получить «всю полноту власти».

Большевики развили бешеную пропаганду среди французских солдат и матросов. Город начал голодать. Поляки с лихорадочной поспешностью формировали свои отряды, с благословения французов расхищая наши запасы снаряжения, ружей, лошадей.

Решающий голос, конечно, принадлежал французам. Но... На этом «но» и следует остановиться. В Новороссийске, Екатеринодаре, Севастополе, Ростове — все речи первых представителей союзников немедленно оканчивались одни призывом: «Да здравствует Великая, Единая, Неделимая Россия!» Ту же программу «верности» искренне поддерживал в Одессе господин Энно. Но у своих он поддержки не встретил. Скоро его и совсем отстранили, позже обвинив даже в самозванстве, и он поехал «к больному отцу». Вся полнота власти перешла в руки чрезвычайно подозрительного еврея, офицера французской службы господина Фрейденберга. Он-то и сдал преблагополучно Одессу большевикам.

Почему это случилось? Обыкновенно говорят о взятках, подкупе. Взятки тогда брали сильно, но не в них дело. Ведь в те дни заседал мирный конгресс. Раздалась крылатая фраза Клемансо: «Россия не существует!» В Версале, видимо, поняли, что тот мирный договор, который был приготовлен, может быть подписан только без России. Наше появление было признано несвоевременным. Наше усиление — прямо опасным. «Отсутствующим» предложили совершить увеселительную поездку на Принцевы острова²⁹.

¹ Зачеркнуто: «Могу рассказать только то небольшое, что знаю».

Одесские события можно объяснить, только признав, что берлинские идеи Рорбаха об обессиленной, разодранной на части России тогда вдруг многих соблазнили в Париже.

Ибо, конечно, на свой страх и риск отдельные французские офицеры всего этого проделать не могли.

Мы сразу же почувствовали, что усиление Добровольческой армии, признание ее командования единственным представителем России признавалось не соответствующим видам и намерениям Парижа.

Вот почему в приглашении на Принцесы острова генерала Деникина поставили не только на одну доску с грузинскими эсдеками, Дашнакцутюном³⁰, уфимской и киевской Директориями, но и с большевиками.

В историческом радио об этом даже любезно сообщалось, что пока «не выяснен только вопрос о приглашении также на правах полноправных членов плехановцев, грузинских федералистов и представителей еврейской и татарской национальностей». Одним словом, собирали по принципу «числом побольше, ценой подешевле».

Но вернусь к рассказу. В этой крупной игре русские люди продолжали играть скверную роль. Они окончательно сбивали с толку французов своими жалобами, доносами, грызней. На приеме генерал д'Ансельм с отчаяньем сказал Шульгину:

— Сегодня у меня было тридцать семь человек, и вы первый, который не ругает ни генерала Деникина, ни Гришина-Алмазова!

Быт

В первые же дни нашего приезда решено было издавать газету. Пока искали типографию, бумагу, я присматривался к городу, в котором был в первый раз. Благодаря местному мировому судье для малолетних (нас всего в России было шесть человек, мы все поддерживали личные отношения и часто виделись) я сразу же попал в дома старожил. Много городов мне пришлось

посетить за эти годы, и, странное дело, чем дальше, тем все менее подготовленной к принятию участия в борьбе была окружающая центры Белого движения жизнь. Так и здесь. Одесса, по сравнению с Киевом, была шагом назад. Национальная борьба здесь еще более ослабляла силы интеллигенции. Да и их-то было много меньше. Зато, несомненно, здешняя интеллигенция была много богаче. Город почти не подвергся еще разграблению. Быт очень напоминал Киев год назад.

Сильное влияние на психологию оказывала близость заграницы. Как живем? А очень просто, отвечал на мой вопрос один из аборигенов. Знаете одесскую заповедь: «Имей знакомого итальянца или яхту, и благо тебе будет на земле»?

О продолжении борьбы своими силами не думал никто. Смена режимов уже успела развратить, да кроме того, все были убеждены, что начинается большая игра, и запасались местами в зрительном зале. В семейных домах усиленно танцевали, пели, ходили в театр, ухаживали.

Был кружок, живший высококультурной, но совершенно довоенной жизнью. Среди бронзы и картин екатерининского времени нас знакомили с новыми переводами древнегреческих поэтов, пели бабушкины романсы, великолепно играли на двух концертных роялях. Незадолго до эвакуации демонстрировали в мастерском исполнении лучшие части только что законченной одним из присутствовавших партитуры православной вечерни. Здесь если и готовились к завтрашнему дню, то только укладывая чемоданы. Близость Европы чувствовалась во всем. Все привыкли к удобствам и терялись при первых же серьезных лишениях.

Приехавшие держались особняком. Жили по-цыгански. Каждый день табор увеличивался. Кого тут не было! Большевики, украинцы всех видов, социалисты, киевляне гетманско-немецкой выделки, крайне правые. Мы держались особняком. Все, кроме нас, шумели, требовали, поучали, забегали. Совсем в сторонке, как-то сбоку жались небольшая группа настоящих хозяев, добровольцев, своею кровью и доблестью отстоявших город.

Национальная комиссия

Пока шли приготовления к выпуску газеты, мы занялись организацией «Подготовительной по национальным делам комиссии»³¹.

Мы ставили себе задачей собрать и издать материалы и документы для освещения современного положения национальных движений в России с русской точки зрения. Дело было задумано широко. Комиссия должна была состоять из 15 самостоятельных отделов. В Одессе успели только издать документы по Бессарабскому вопросу да начать печатанье «Малорусского сборника»³².

Личный состав Комиссии был таков: председатель В. В. Шульгин, товарищи председателя профессор И. А. Линниченко и В. А. Степанов (Екатеринодар), в Одессе его заменял профессор П. И. Новгородцев. Секретарь президиума В. М. Левитский, его помощник Н. Н. Ладомирский. Председателем общего отдела был Е. П. Ковалевский, бессарабского — А. Крупенский, малорусского — И. А. Линниченко. Положение об автономии Новороссии должны были выработать местные профессора Г. И. Танфильев, Б. М. Ляпунов, Г. Л. Стадников, Н. К. Могилянский и др.

К сожалению, вечные эвакуации и распыление сил участников помешали Комиссии выполнить взятую на себя задачу¹. Теперь все издания Комиссии и собранные ею материалы, по-видимому, погибли.

Газета «Россия»

9 января вышел первый № нашей «России». В нем было напечатано открытое письмо Шульгина Петлюре. Газета имела такой успех, что письмо пришлось сейчас же выпустить вторым изданием. Со второго же номера началась упорная борьба с колонизаторскими тенденция-

¹ Зачеркнуто: «Только профессору А. Д. Билимовичу удалось в Ростове издать свою работу «О делении Южной России на области»».

ми союзнической политики. Статьи Шульгина производили большое впечатление. Он писал («Россия», № 4): «Дорогие друзья. Извещаем вас, что мы не негры, а русские. Из этого следует, что колониальная политика у нас не пройдет. Россия будет иметь монархию или республику соответственно тому, что ей нужно. Но ни монархии из Берлина, ни республики из Парижа — дорогие друзья — у себя не потеряем!»³³

В ответ на приглашение на «веселый пикник» на Принцевы острова, «где соберутся оскорбленные друзья и торжествующие предатели», «Россия» заявила: «Антанта приглашает нас: 1. Заключить перемирие с Лениным и Винниченко. 2. Усесться за одним столом честным и свободолюбивым Деникину и Колчаку с изменниками и палачами из Совдепии и Украины. Антанта признает Великую русскую революцию. Что это значит? Это значит, что измена Ленина и Винниченко ныне санкционирована. Кого мы будем благословлять, а кого проклинать, через 10 лет пусть подумают те, кто ныне устраивает веселый пикник»³⁴.

Через несколько дней по городу распространилась новая сенсация: французы берут под свой протекторат украинскую Директорию. Это было как раз в те дни, когда со станции Дачная был доставлен вагон с 32 обезображенными трупами зверски замученных петлюровцами офицеров и солдат русской армии. В № 10 «России» было напечатано: «Мы считаем, что имеем право и долг говорить неприкрашенную правду не только врагам, но и друзьям. И потому мы заявляем, что мы не понимаем новой французской политики. Для тех, кто хочет разделить Россию на сферы влияния, разумеется, украинцы удобнее. Русские в этом случае крайне неприятны, ибо все время будут твердить о единой России»³⁵.

После этих статей нам сказали, что дальнейшей нашей «вредной деятельности» не допустят. Прошло несколько дней, и, действительно, 7 февраля (по новому стилю) мы получили бумажку на французском языке следующего содержания:

Командование Союзных сил
в Южной России
2-е Отд.
С. Р.³⁶

СЛУЖЕБНАЯ ЗАПИСКА

По распоряжению французского командования газета «Россия» закрыта на 8 дней. Срок считать с 8 февраля.

По распоряжению начальника штаба
Начальник С. Р. Одессы
Командир Эскадрона (подпись)

Сначала, как оказывается, решено было, перечислив все наши преступления, объявить о закрытии газеты при особой церемонии на площади при звуках фанфар. В последнюю минуту испугались и подсунули «служебную записку». Я не называю фамилию офицера, подписавшего этот замечательный документ. Он был в редакции и умолял не позорить его честное боевое имя. Ему приказали подписать.

На следующий день от редакции газеты «Россия» был выпущен лист, в котором были напечатаны французская «Записка», протест Гришина-Алмазова против подрыва авторитета русских властей закрытием газеты, последняя статья из «Киевлянина» и передовая, в которой Шульгин заявлял, что возобновит газету только тогда, «когда наша совесть позволит нам снова считать французов такими же искренними друзьями, как и год назад»³⁷.

Даже теперь, после всех пережитых за границей унижений, перечитывая №№ «России», не можешь понять, как за эти строки можно было закрыть русскую газету в русском городе, только что освобожденном доблестью и кровью русской армии!

Борьба партий и французы

Конечно, наш листок расхватили в два часа. Всячески выражали нам сочувствие и пр. Делали это рядовые обыватели. «Политики» этого удара по национальному само-

любию не почувствовали. Все шло по-прежнему: забежали, делили, нашептывали. Создавали новые комбинации. Сразу появились два кандидата в гетманы. Господина Котова-Коношенко выдвигали уцелевшие хлеборобы. Генерал Бискупский выдвигал себя сам³⁸. Правые отличились еще раз. 17 февраля на многолюдном собрании по организации Монархического блока они доказывали, что врагами истинных монархистов являются 1. Союзники и 2. Добровольческая армия и все партии и общественные организации, ее поддерживающие. Происходило все это на глазах у французов.

А Екатеринодар опять все медлил и медлил. Наконец, якобы на смену Гришина-Алмазова, был назначен генерал Санников. Он приехал «сместить», но был добровольно признан Гришиным. Неожиданно они вместе сели на пароход и уехали. Оставаться им действительно было унижительно. Полковник Фрейденберг дошел до того, что публично заявил с негодованием:

— Русские круги претендуют еще на какую-то гордость!

Колонизация продолжалась. Появилась давножданная Директория, или Триумvirат, назначенный помимо генерала Деникина. Это были генерал Шварц, Андро и Рутенберг (эсер, убийца Гапона). В их руки была передана французами власть. Обыватель встретил все эти перемены совершенно спокойно. Его настроение метко выразил Мятлев: «Остался я без подштаников / И мне все равно, / Правит ли нами Санников / Или Энн»³⁹.

В первых числах марта ко мне в комнату вошел Шульгин.

— Через месяц Одесса будет сдана большевикам, — резко и нервно начал он. — Не возмущайтесь. Я знаю наверняка. Через несколько дней еду в Анапу. На Пасху приезжайте.

Я энергично протестовал. Город был забит союзными войсками. В порту стояла огромная эскадра. Валялись груды мяса и товаров.

— Не может быть, — говорил я, — ведь это же всемирный скандал. Победители не согласятся на такое унижение.

Ш

Шатилов Павел Николаевич (1881–1962) — генерал от кавалерии, близкий друг и соратник П. Н. Врангеля 24, 153, 192

Шварц Алексей Владимирович фон (1874–1953) — генерал-лейтенант, весной 1919 г. — генерал-губернатор Одессы и командующий всеми русскими войсками в союзной зоне 79–81, 87

Шемет Владимир Михайлович (1873–1933) — общественно-политический деятель, член Государственной думы I созыва от Полтавской губернии, один из лидеров Украинской демократическо-хлебоборобской партии 80

Шиллинг Николай Николаевич (1870–1946) — генерал-лейтенант, главноначальствующий Новороссийской области (1919–1920) 152, 153

Шкуро Андрей Григорьевич (1887–1947) — кубанский казак, генерал-лейтенант, видный деятель Белого движения на Юге России 102, 136, 181

Шульгин Василид Витальевич (1899–1918) — старший сын В. В. Шульгина 72

Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) — политический деятель, журналист и писатель, член Государственной думы II–IV созывов,

член Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР (1918–1919), редактор газет «Киевлянин» и «Россия» 5, 8, 9, 13, 14, 19, 21, 22, 27, 30, 32, 39, 45, 47, 53, 60–63, 68, 72, 74, 76–81, 87, 90–93, 127, 132, 162, 170, 226–229, 231, 233, 234

Шульгина Екатерина Григорьевна (1869–1934) — жена В. В. Шульгина, сотрудница газет «Киевлянин» и «Голос Киева» 63, 230

Э

Энно Евгения Марковна — жена Э. Энно 79, 232

Энно Эмиль — капитан французской армии, управляющий вице-консульства Франции в Киеве, один из инициаторов союзной интервенции на Юге России 66–68, 72, 73

Эрдели Иван Георгиевич (1870–1939) — генерал от кавалерии, один из основателей Добровольческой армии 72, 199, 203

Ю

Юзефович Яков Давидович (1872–1929) — генерал-лейтенант, видный участник Белого движения на Юге России 140, 141, 199, 205

Я

Якушкин — московский мировой судья для малолетних 49

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. Чемакин. Валерий Михайлович Левитский: Материалы к биографии	5
---	---

**Борьба на Юге
Факты. Люди. Настроения (1917–1920)**

В. В. Шульгин. Предисловие	35
Часть I. Киев (1917–1918)	40
Первые дни революции	40
Поездка в Петроград	41
Работа у кадетов	42
Вторая поездка в Петроград	43
Выборы	44
В Центральной раде	45
Признаки перелома	47
Корнилов	47
Без вождя	48
В Москве	49
Выборы в Украинское Учредительное собрание	51
Первая осада Киева	52
Большевики	53
Упразднение суда	54
Немцы	56
Гетман	56
Встреча с Шульгиным	61
«Голос Киева»	62

Немцы отступают!	64
Вторая осада Киева	66
Отъезд	69
Часть II. Одесса (декабрь 1918 — март 1919)	71
Дорога	71
Положение Одессы	72
Быт	74
Национальная комиссия	76
Газета «Россия»	76
Борьба партий и французы	78
Наступление большевиков	80
Союзники уходят	81
Как мы ехали	82
Часть III. Екатеринодар (20 апреля 1919 — 2 августа 1919) ..	87
Первые впечатления	87
Газета «Великая Россия»	90
Совещание у М. В. Алексеева	91
Политическая программа газеты	92
Отношение к Раде	93
Перемены в редакции «Великой России»	95
Главные действующие лица	96
Рядовое офицерство	97
Грязные среди белых	102
Потери	103
Мытарства раненых	104
В гостях у настоящих кубанцев	105
Кубанская станица	106
Степь	109
На плавнях	113
Интеллигенция и обыватель	115
Тиф	120
Пленные	122
Последние дни екатеринодарского периода	123
Часть IV. Ростов (4 августа — 27 декабря 1919)	125
Город	125
«Великая Россия»	125

Поездка в Киев	127
Опять не дома	130
Общее положение	131
Власть на местах	133
Новые фронты в тылу	136
Нелады в Главном командовании и развал армии	139
Фронт у Ростова	147
Часть V. Новороссийск (январь — март 1920)	151
Город страха и смерти	151
Газета «Великая Россия»	151
Катастрофа	152
Часть VI. Севастополь (март — октябрь 1920)	155
Последние дни генерала Деникина	155
Выборы и назначение генерала Врангеля	158
Положение Крыма	159
Первые шаги генерала Врангеля	160
Возобновление «Великой России»	161
Жизнь и настроения в Крыму	165
Генерал Врангель	170
Крымское правительство	173
Флот и армия в Крыму	178
Уход из Крыма	182
Итого. Что же дальше?	185
Приложение	188
Переписка главнокомандующего ВСЮР А. И. Деникина с командующим Кавказской Добровольческой армией П. Н. Врангелем за апрель — август 1919 г. (копии)	188
Валерий Михайлович Левитский. Бред. (Обрывки воспоминаний)	207
Валерий Михайлович Левитский. Наша интеллигенция и проблема национализма	218
Примечания	226
Именной указатель	239